

И.Ю.Жилина
НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
РЕФОРМ В РЕГИОНАХ
(Обзор)

Процесс формирования новой экономической системы в России неизбежно поднимает вопрос как о целях трансформации экономики, так и о ее явно негативных последствиях для населения, которые многие исследователи рассматривают как своеобразную плату общества за реформы (13, с. 5). При этом в условиях характерного для постперестроечной России процесса перехода от фактически унитарного к федеративному государственному устройству ярко проявляются различия в воздействии реформ на социально-экономическое положение российских регионов.

Хотя согласно ст.7 Конституции Российской Федерации, моделью государственного устройства России является социальное государство¹, в ходе рыночных преобразований в России социальная политика лишь формально рассматривалась в качестве одного из ключевых элементов общей экономической стратегии. Роль социальной составляющей как важнейшего фактора развития регионов и укрепления Федерации в целом постоянно недооценивалась. При отсутствии сформированного механизма отношений между регионами и центром, четко сформулированной государственной региональной политики, в частности в социальной сфере (5, с.6), социальная политика была сориентирована на экономически не подкрепленную передачу все большего числа социальных функций на местах; переключение финансирования части социальных расходов с федерального и местных бюджетов на доходы и сбережения граждан; ликвидацию ограничений в социально-трудовой сфере; сохранение сложившегося уровня занятости и сдерживание безработицы. Эта социальная политика во многом опиралась на задел, созданный предыдущей системой. Однако резервы социальной сферы часто, особенно в регионах, выполнявшей свои функции при отсутствии необходимых финансовых средств, быстро исчерпались, а коммерциализация услуг значительно ограничила доступность предоставляемых благ для основной массы населения.

А.Виленский и И.Домнина полагают, что игнорирование социальной составляющей рыночных реформ при выработке макроэкономической политики и учет социального фактора только при определении темпа реформ привели к тому, что социальная политика была примитивизирована до “вспомоществования”. Ее доминирующим направлением стали пожарные меры компенсационного характера в отношении отдельных слоев населения, отдельных регионов и консервация мер социальной защиты на уровне денежно-компенсационных механизмов (4, с.76). В результате в последние десять лет в социальной сфере преобладали две основные тенденции: снижение уровня жизни большинства граждан и поляризация социальной структуры (9, с.31). В связи с этим в научной литературе неоднократно отмечалась необходимость усиления мер государственного воздействия и регулирования в области доходов, разработки комплексных социальных программ, а также углубленного научного анализа тенденций, перспектив и факторов, определяющих уровень жизни населения.

Социально-экономическое состояние региона определяется общими для страны макроэкономическими тенденциями, и для регионов России в настоящее время, несмотря на некоторые положительные сдвиги, характерны те же тенденции, что и для российской

¹ Идея социального государства, как она сформулирована международным сообществом для современного типа рыночного хозяйства, заключается в политическом и правовом упорядочении жизни общества на принципах гуманизма, выполнения комплекса социально-защитных функций, создания условий для развития гражданского общества.

экономики в целом: технико-экономические диспропорции, снижение склонности к инвестированию и сбережениям, экстенсивное использование рабочей силы, нарастание негативных социально-демографических процессов. В то же время регионы России всегда были дифференцированы по социально-экономическим признакам, а за годы реформ различия между ними в силу объективных и субъективных факторов усилились еще больше. Объективные факторы, формировавшиеся в течение длительного времени, определяют глубинные причины дифференциации, а именно: природно-экономический потенциал, климатические условия, демографические тенденции, исторические и культурные особенности, сложившееся разделение труда, состояние промышленно-транспортного комплекса, финансовой и банковской систем, экологическая обстановка. Степень дифференцированности регионов в настоящее время определяют субъективные факторы: политика властей всех уровней по отношению к региону, степень эффективности институциональных преобразований, уровень отраслевой диверсификации, зависимость от внешних рынков и др. (5, с.23). Таким образом, макроэкономические тенденции обостряют региональные проблемы, а специфические особенности конкретных регионов обуславливают основные различия в проведении и воздействии экономических реформ на население.

В связи с этим В.В.Карпов считает, что при разработке основных понятий и принципов анализа социальных процессов в регионе необходимо учитывать современный политико-экономический контекст, действие которого во многом определяет перспективы регионального развития (7, с.12-13). При этом региональный подход к изучению экономических и социальных процессов позволяет более полно учитывать специфические условия каждого региона и открывает пути к эффективному решению возникающих проблем.

Довольно ясное представление о различиях экономического состояния субъектов Российской Федерации дает показатель размера внутреннего регионального продукта (ВРП) на душу населения, определяющий в целом состояние производства в регионе. Опираясь на этот показатель, Е.В.Горшенина разделяет регионы РФ по уровню производства на восемь групп (см. табл. 1).

Таблица 1

**Группировка регионов по уровню производства,
1996 г. (5, с.30-32)**

Уровень производ- ства	Произведенный ВРП на душу населения, тыс. руб.	Количе- ство регио- нов в группе	% к ито- гу	Регионы
1	2	3	4	5
1. Высокий	33 462-22 793	3	3,4	Области: Камчатская, Магаданская; Республика Саха
2. Относи- тельно высокий	22 792-19 125	2	2,3	г. Москва, Республика Коми
3. Выше среднего	19 124-16 452	3	3,4	Красноярский край; области: Иркутская, Самарская
4. Средний	16 451-13 746	9	10,3	Области: Пермская, Сахалинская, Томская, Свердловская, Липецкая, Вологодская, Мурманская, Архангельская; Республика Татарстан
5. Ниже среднего	13 745-10 858	13	15,1	г. Санкт-Петербург; области: Кемеровская, Челябинская, Костромская, Московская, Волгоградская, Ярославская, Калужская, Омская, Оренбургская, Амурская; республики: Башкортостан, Карелия
6. Низкий	10 857-8026	22	25,3	Области: Белгородская, Новгородская, Ульяновская. Ленинградская, Курганская, Тульская, Кировская, Курская, Новосибирская, Саратовская, Орловская, Читинская, Рязанская, Брянская; республики: Удмурдская, Мордовия, Бурятия, Адыгея; края: Хабаровский, Приморский, Ставропольский, Краснодарский
7. Очень низкий	8022-2883	22	25,1	Области: Владимирская, Смоленская, Воронежская, Нижегородская, Тверская, Ростовская, Калининградская, Астраханская, Тамбовская, Пензенская, Псковская, Тюменская, Ивановская; республики: Хакасия, Марий Эл, Карачаево-Черкесская, Чувашская, Алтай, Кабардино- Балкарская, Тува, Калмыкия; края: Алтайский.
8. Недопус- тимо низкий	2882-0	13	15,1	Республики: Дагестан, Ингушская, Северная Осетия, Чеченская; Еврейский АО; автономные округа: Чукотс-кий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырс-кий, Эвенкийский, Бурятский, Агинский, Корякский

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в большинстве регионов (80,6%) уровень производства ниже среднего, в том числе в 15,1% регионов производство практически отсутствует. Лишь в 3,4% регионов уровень производства можно считать по российским стандартам высоким (5, с. 30). Однако по каждому региону необходимо проводить дополнительные исследования по выявлению причин существующего состояния и выделению факторов, не поддающихся учету.

Например, Тверская область входит в группу с очень низким уровнем производства, что свидетельствует о неблагоприятной социально-экономической ситуации в регионе. Однако такая ситуация обусловлена остановкой предприятий, а не их отсутствием. Область имеет сложный комплекс предприятий с различными перспективами их выживания в условиях рынка, а часть структурообразующих предприятий ориентирована на федеральный уровень. Поскольку основные отрасли экономики работают на привозном сырье, мощный промышленный потенциал области не задействован полностью из-за разрыва хозяйственных связей. Остановка

многих промышленных предприятий в свою очередь ведет к снижению уровня среднего душевого дохода. Региональные органы власти при этом активно участвуют в хозяйственной жизни и пытаются установить контроль за деятельностью банков, торговлей, распределением земельных участков, занимаются лоббированием в федеральных органах различных проектов и рассматривают вопросы перераспределения собственности (5, с. 32).

О степени дифференциации регионов говорят и данные о вкладе регионов в ВВП страны. Так, по данным В.Г.Цогоева и О.О.Коваленко, в середине 90-х годов около 60% ВВП России производили всего десять регионов из 89.

Таблица 2

ВРП крупнейших регионов России (15, с.44)

Доля региона в ВВП страны, % 1995 г.		ВРП на душу населения, по паритетам покупательной способности, февраль 1997 г. В среднем по России = 100	
г. Москва	13,1	Ханты-Мансийский АО	469,5
Ханты-Мансийский АО	5,2	Ямало-Ненецкий АО	420,2
Самарская область	4,5	г. Москва	258,1
Московская область	4,2	Самарская область	241,8
Приморский край	3,7	Приморский край	224,2
Пермская область	3,0	Пермская область	191,3
Свердловская область	2,8	Архангельская область	167,5
г. Санкт-Петербург	2,7	Республика Коми	155,3
Красноярский край	2,5	Тульская область	154,2
Башкирия	2,4	Липецкая область	149,1
Кемеровская область	2,3	Татария	144,4
Татария	2,2	Якутия	143,5
Иркутская область	2,0	Камчатская область	141,5
Ямало-Ненецкий АО	2,0	Хабаровский край	132,7
Нижегородская область	1,7	Вологодская область	131,6
Челябинская область	1,6	Кемеровская область	129,6
Якутия	1,6	Костромская область	127,5

Выявлению социально-экономических различий между регионами служат и другие показатели.

В условиях значительной самостоятельности и ответственности регионов при решении экономических и социальных проблем важнейшее значение имеет такой показатель, как **уровень жизни**². Региональное исследование уровня жизни предполагает изучение широкого круга взаимосвязанных вопросов: тенденций изменения уровня доходов, потребления материальных благ и обеспеченности населения услугами; уровня и структуры потребностей населения региона в материальных благах и услугах; общих закономерностей развития потребностей населения в территориальном и социальном разрезе; количественных и качественных параметров потребления материальных благ и услуг на ближайшую и отдаленную перспективу при различных вариантах экономического и социального развития; социальной эффективности действующего народнохозяйственного комплекса и т.п.

Поскольку с формированием в экономике рыночных отношений заметно усиливается не только территориальная, но и социальная дифференциация уровня жизни, возрастает роль и значение показателей, характеризующих социальную дифференциацию доходов и потребления. Возникает необходимость более широкой публикации и введения в научный оборот информации, отражающей данные показатели в разрезе регионов (например, данных о распределении рабочих и служащих по уровню зарплаты, селян по уровню оплаты труда, каждой категории пенсионеров по уровню пенсии и по уровню доходов, семей по уровню и структуре доходов и др.).

Однако научное сообщество пока не выработало общепризнанного определения самой категории “уровень жизни”. Отсутствует также единство мнений по системе показателей, характеризующих жизненный уровень населения. Зачастую его представляют в виде некоего

² В соответствии с Конвенцией Международной организации труда “Об основных целях и нормах социальной политики” человек имеет право на такой уровень жизни, включая питание, одежду, жилье, медицинский уход и социальное обеспечение, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, а также право на обеспечение в случае бедности, безработицы, инвалидности, вдовства или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

агрегированного показателя, характеризующего весь комплекс социальных проблем. Иногда за этим термином скрываются лишь отдельные конкретные показатели, затрагивающие те или иные стороны явления. Поэтому на практике возникают различные интерпретации и толкования этих показателей. В результате такой неопределенности делаются диаметрально противоположные выводы и принимаются ошибочные управленческие решения.

По ряду причин количественно оценить уровень жизни достаточно сложно. Во-первых, невозможно численно определить удовлетворение потребностей, которые соответствуют какой-либо кривой безразличия. Во-вторых, оценки уровня и качества жизни существенно изменяются во времени и в пространстве. В-третьих, трудно количественно выразить такие характеристики, как здоровье, условия и безопасность труда, культурный уровень, удовлетворение духовных потребностей, безопасность граждан и др. (5, с.37-38). Для оценки уровня жизни требуются не только количественные, но и качественные характеристики, а также интегральные социологические оценки.

Из-за невозможности подобрать показатели, адекватно отражающие жизненный уровень, любые его измерения носят условный характер. Можно говорить лишь о наборе ориентирующих экономических показателей или социально-экономических индикаторов, используемых в качестве инструмента измерения результатов влияния экономических реформ на уровень жизни населения, позволяющих получить самое общее представление о тенденциях и проблемах в этой области.

Набор исходных показателей и социально-экономических индикаторов для оценки уровня жизни населения содержится в методологических статистических разработках. Социально-экономические индикаторы делятся на три группы: показатели распределения и дифференциации населения по уровню доходов; показатели, характеризующие уровень и распределение низких доходов; баланс денежных доходов и расходов населения.

Некоторые специалисты считают эту систему оценки уровня жизни неполной, поскольку в ней отсутствуют индикаторы, оценивающие состояние социальной сферы и окружающей среды, а также характеризующие общий экономический рост в регионе. Кроме того, в методологических положениях по статистике не определены подходы к межрегиональным сравнениям, без которых оценить уровень жизни в регионе не представляется возможным. Поэтому, например, Е.В.Горшенина предлагает включать в перечень социально-экономических индикаторов для оценки уровня жизни в регионе ряд показателей, касающихся состояния окружающей среды и размера ВРП, характеризующего экономический рост в регионе. Система основных социально-экономических индикаторов уровня жизни в регионе, предлагаемая автором, представлена в табл. 3.

Таблица 3

Система основных социально-экономических индикаторов уровня жизни в регионе (5, с.39-40)

Индикатор	Показатели
1	2
1. Денежные доходы	1.1. Динамика реальных доходов 1.2. Соотношение темпов роста номинальных доходов и потребительских цен 1.3. Структура доходов 1.4. Покупательная способность доходов 1.5. Социально-имущественная структура населения 1.6. Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума 1.7. Соотношение средней оплаты труда с учетом выплат социального характера с прожиточным минимумом 1.8. Соотношение среднедушевого денежного дохода с прожиточным минимумом 1.9. Дифференциация доходов населения
2. Денежные расходы	2.1. Динамика реальных расходов 2.2. Структура расходов 2.3. Уровень потребления продуктов питания
3. Система социальной защиты населения	3.1. Комплекс показателей, характеризующих социальное обеспечение, систему предоставления пенсий, пособий, материальной помощи больным, престарелым, детям

1	2
4. Социальная сфера	4.1. Образование. Система показателей, характеризующих деятельность дошкольных учреждений, общеобразовательных учреждений, учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования, дополнительного образования 4.2. Культура и искусство. Система показателей, характеризующих работу учреждений культуры и искусства, а также отражающих выпуск книжной, журнальной и газетной продукции 4.3. Здравоохранение. Система показателей статистики здравоохранения, статистики заболеваемости населения, статистики инвалидности, статистики производственного травматизма 4.4. Туризм, отдых, физическая культура и спорт. Система показателей развития и использования сети санаторно-курортных учреждений, учреждений отдыха и туризма, спортивных сооружений 4.5. Жилищное хозяйство. Система показателей, характеризующих наличие, состав и состояние жилищного фонда, его благоустройство, жилищные условия населения 4.6. Коммунальное хозяйство. Система показателей производственной деятельности предприятий и служб, обеспечивающих население водоснабжением, теплом, газом, гостиницами и другими видами благоустройства населенных пунктов 4.7. Платные услуги. Система показателей, характеризующих предоставление населению различных услуг
5. Окружающая среда	5.1. Система показателей, характеризующих состояние и охрану атмосферного воздуха, водных ресурсов, земельных ресурсов, лесного хозяйства, заповедников, национальных парков
6. Валовой региональный продукт (ВРП)	6.1. Динамика реального ВРП 6.2. Структура ВРП 6.3. Произведенный и использованный ВРП в расчете на душу населения

Основным индикатором уровня жизни населения являются *денежные доходы*, которые значительно дифференцированы по регионам России. Изменение коэффициента дифференциации среднедушевого дохода по субъектам РФ (отношение наибольшей среди субъектов величины к наименьшей) с 1994 по 1999 г. представлены в табл. 4. Приведенные ниже данные свидетельствуют о том, что дифференциация между регионами по этому показателю углублялась до 1997 г., затем этот процесс несколько замедлился.

Таблица 4

Коэффициент дифференциации среднедушевого денежного дохода по субъектам Российской Федерации (6, с.173)

1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.		1999 г.
				Всего	I квартал	I квартал
5,65	9,39	10,93	16,21	14,72	13,48	14,64

Денежные доходы населения подразделяются на номинальные и реальные. Наибольший интерес представляет динамика реальных доходов в расчете на душу населения. В 1993 г. в статистической отчетности показатель “реальные доходы населения” был заменен на показатель “реально располагаемые денежные доходы”. Последний включает в себя денежные доходы за вычетом налогов и обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен. В показателе “реальные доходы” учитывались, кроме денежных доходов населения, натуральные доходы в денежной оценке, доходы в виде материальных затрат учреждений социальной сферы, вклады населения в ценные бумаги и сбережения. При этом методика расчета нового показателя до сих пор несовершенна, что существенно подрывает информационную базу исследований уровня жизни.

Тем не менее даже использование не вполне совершенного показателя позволяет делать выводы о состоянии реальных денежных доходов населения в регионах. Например, в Уральском районе в 1991 г. реальные денежные доходы соответствовали общероссийскому уровню. Они колебались по областям и республикам района от 465 руб. в Челябинской области до 384 руб. в Башкортостане. Территориальная дифференциация составляла не более 20%. В 1992-1996 гг. динамика реально располагаемых денежных доходов была довольно пестрой. Но во всех

областях Уральского района темпы инфляции значительно опережали рост доходов. Исключение составлял период с середины 1993 до середины 1994 г., когда темпы роста номинальных денежных доходов были чуть выше темпов роста цен, что обусловило положительную динамику реально располагаемых денежных доходов в этот период. К 1997 г. Курганская область вошла в группу регионов РФ с наименьшими доходами, Пермская область – в группу с наибольшим уровнем среднедушевого дохода. Соотношение среднедушевого дохода двух крайних групп примерно равно 3:1 (14, с.19).

Данные о реальных денежных доходах населения областей Центрального района в 1990-1998 гг. (см. табл. 5) свидетельствуют о том, что во всех регионах Центрального района, кроме г.Москвы³, наблюдалось снижение уровня реальных доходов.

Таблица 5

Реальные денежные доходы в расчете на душу населения в областях Центрального района, руб. (с 1995 г. в ценах 1990 г.) (5, с. 41)

Область Центрального района	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г. (сен- тябрь)	1998 г. – отклоне- ние от 1990 г., %
Брянская	128	202	114	136	122	74	-63,4
Владимирская	136	190	119	143	144	102	-46,3
Ивановская	131	190	112	117	133	81	-42,6
Калужская	139	202	144	151	155	103	-51,0
Костромская	138	191	141	157	133	103	-53,9
г. Москва	195	345	547	674	665	724	+109,9
Московская	130	196	170	175	177	154	-21,4
Орловская	144	218	129	163	154	119	-45,4
Рязанская	138	196	116	140	142	85	-56,6
Смоленская	135	191	149	183	177	143	-25,1
Тверская	135	192	143	169	150	99	-48,4
Тульская	142	199	171	194	193	133	-33,2
Ярославская	140	205	179	189	188	130	-36,6

Приближение реальных денежных доходов к уровню 1990 г. по регионам Центрального района происходит с разной скоростью. В частности, рост денежных доходов начался уже в 1995 г. во всех регионах, кроме Брянской, Владимирской и Рязанской областей. А в 1996 г. он имел место во всех без исключения регионах Центрального района и составил к уровню 1995 г. 20% во Владимирской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, и менее 5% в Ивановской, Калужской и Московской областях. По состоянию на сентябрь 1998 г, наблюдается снижение темпов роста почти на 1/3 в результате кризиса (5, с. 41).

В целом по стране в результате спада объема производства реальная средняя зарплата в начале 1999 г. составляла 45% от уровня 1991 г. В феврале 2000 г. благодаря экономическому оживлению, росту промышленного производства средняя зарплата составила 1904 руб., а ее реальная величина (с учетом инфляции) выросла по сравнению с февралем 1999 г. на 31% (8, с.5).

Структура доходов. В настоящее время существенно меняются источники денежных доходов населения.

Доля оплаты труда в составе денежных доходов снизилась по России почти в 2 раза – с 74,1% в 1990 г. до 40,3% в 1995 г. и продолжала снижаться в последующие годы (6, с.120). Примерно такая же картина наблюдается и в регионах. Например, в Свердловской области доля оплаты труда за тот же период снизилась с 76,9 до 47,3% (14, с.21). По областям Центрального района на оплату труда в настоящее время приходится около 40% (5, с.43).

Доходы от предпринимательской деятельности, собственности и другие имеют тенденцию к росту и составляют в структуре доходов населения областей Центрального района 40-45% (5, с.43), Свердловской области – 30,6% (14, с.23).

Ряд авторов высказывают сомнение в полной достоверности данных статистики в отношении роста доходов от предпринимательской деятельности, указывая, что доля этих

³ Ввиду ее исключительно благополучного экономического положения в 1998 г. среднедушевой доход по г. Москве составил 4913 руб. по сравнению с 972 руб. в среднем по России (5, с. 41).

доходов оказывается столь высокой вследствие принятого Госкомстатом РФ порядка расчета их общей величины. Вместе с тем рост удельного веса предпринимательских и других подобных доходов свидетельствует о стремлении людей к реальной экономической независимости в условиях несовершенной социальной политики государства.

В то же время повсеместно наблюдается снижение доли социальных трансфертов. Например, в Центральном районе она не превышает 15% (5, с. 43).

Уровень *покупательной способности* денежных доходов определяется двумя способами: как товарный эквивалент различных видов товаров и услуг, которые можно приобрести на среднедушевой денежный доход⁴; как количество определенных наборов товаров и услуг (прожиточный минимум – ПМ), которые можно приобрести на среднедушевой денежный доход. ПМ (введен в 1992 г.) представляет собой натуральный набор продуктов питания, учитывающий диетологические ограничения и обеспечивающий минимально необходимое количество калорий, а также расходы на непродовольственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи, соответствующие по структуре затрат на эти цели бюджетам низкодходных семей.

Продуктовые наборы, используемые в расчетах, составлены для пяти социально-демографических групп населения, минимальная продовольственная корзина дифференцируется по восьми природно-климатическим зонам в зависимости от природно-климатических условий, половозрастного состава населения, размера и структуры семей, плотности населения и т.д. Однако, по мнению ряда специалистов, существующую методику расчета ПМ, разработанную Минтруда РФ, скорее можно характеризовать как “политическое мероприятие, задуманное для занижения стоимости минимально необходимых благ и услуг” (14, с.27). Для того чтобы соответствовать хотя бы минимальным мировым стандартам уровня жизни, величина ПМ должна быть выше применяемого в расчетах в настоящее время по крайней мере в 2 раза (14, с.28).

В 1996 г. в среднем по Российской Федерации денежные доходы на душу населения составляли 722 руб. в месяц, а ПМ – 367,2 руб., т.е. в среднем покупательная способность составляла 1,97 ПМ (14, с.30). В областях и республиках Урала уровень покупательной способности в 1996 г. был ниже среднероссийского – от 1,89 раза в Оренбургской области (максимум по району) до 1,26 в Курганской области (минимум по району). Это обусловливается не только отставанием роста реальных денежных доходов на Урале, но и географическими особенностями, влияющими на состав и стоимость набора прожиточного минимума (14, с.31).

В 1997 г., по данным Всероссийского центра уровня жизни, показатель покупательной способности был ниже 1 в шести субъектах РФ (Дагестан, Ингушетия, Чеченский, Эвенкийский, Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа), а в пяти (г.Москва, Тюменская область, г.Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) превышал 3.

Особое значение имеет динамика покупательной способности. В 1996-1997 гг. покупательная способность населения снижалась на Чукотке, в Амурской, Белгородской, Ульяновской и Костромской областях, а в 1998-1999 гг. это снижение стало всеобщим (15, с.47). Только в четвертом квартале 1998 г. покупательная способность населения снизилась на 21%. В среднем по России величина ПМ составила в четвертом квартале 1998 г. 659 руб., а средний доход 1136 руб., т.е. 1,7 набора ПМ (15, с.47).

Среднедушевые доходы населения и стоимость набора ПМ значительно различаются по регионам. В.Г.Цогоев и О.О.Коваленко предлагают разделить регионы по показателю покупательной способности на следующие группы.

1. Регионы с бедным населением (покупательная способность ниже 1). В четвертом квартале 1998 г. к этой группе относилось 12 регионов, в том числе Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Калмыкия. Воспроизводство населения в регионах с бедным населением поддерживается за счет натурального хозяйства и нелегальных доходов.

2. Регионы с малообеспеченным населением (покупательная способность – 1-2). По сравнению с 1995-1997 гг. число этих регионов выросло втрое, и в 1999 г. в эту группу входила основная часть субъектов Федерации – 70 регионов.

⁴ Например, в 1998 г. население Тверской области могло приобрести на средне-душевой доход 31 кг говядины вместо 98 кг в 1990 г., 170 л молока против 738 л, 70 кг сахара против 213 кг и т.д., что свидетельствует о снижении покупательной способности денежных доходов в области (5, с.43).

3. Регионы со среднеобеспеченным населением (покупательная способность – 2-3). В начале 1997 г. этот уровень имели 30 регионов РФ. К концу 1998 г. в группе осталась лишь Самарская область.

4. Обеспеченные регионы (покупательная способность – 3-4). В начале 1999 г. этот уровень имела лишь Тюменская область и два нефтедобывающих автономных округа – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский.

5. В группе регионов с покупательной способностью населения более 4 в начале 1999 г. осталась только Москва (покупательная способность – 5,29) (15, с. 48).

Имущественное и социальное расслоение, происходящее в результате смены форм собственности и типа экономической системы, является характерным показателем состояния общества. Расчет этого показателя представляет наибольшие сложности, так как наряду с объективными социальными нормами необходимо использовать субъективные оценки населения.

Российские статистические органы пока не разработали методики выделения богатых и бедных. Из-за отсутствия унифицированных показателей систематически публикуемые отчеты о социально-имущественной структуре населения значительно различаются. Например, Тверской комитет по статистике выделяет пять групп населения: богатые, относительно обеспеченные (“средний класс”), переходный слой населения, бедные, нищие. В отчетах центральных статистических органов встречаются различные группировки, но наиболее приемлемой и точной является следующая: богатые, состоятельные, обеспеченные, малообеспеченные, бедные. Однако критерии, по которым семьи относят к той или иной группе, не всегда четко определены как количественно, так и качественно. По мнению ученых Уральского отделения Института экономики, проводимая статистическими организациями оценка категорий населения по распределению доходов скрывает реальную глубину социально-экономического расслоения общества, где бедными и малообеспеченными является не треть населения, а как минимум две трети, средний слой не достигает и четверти населения и имеет тенденцию к уменьшению (14, с.28).

По мнению Е.В.Горшениной, социально-имущественная структура населения должна определяться на основе показателей среднедушевого дохода, физиологического минимума питания (минимальная продуктовая потребительская корзина), минимального потребительского бюджета (ПМ) и рационального потребительского бюджета (5, с.44).

Физиологический минимум питания определяет необходимый уровень удовлетворения потребностей в питании, ниже которого существование человека недопустимо. Минимальный потребительский бюджет, или ПМ, обеспечивает восстановительный уровень потребления. Рациональный потребительский бюджет в основном позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает развивающийся характер потребления. Таким образом, Е.В.Горшенина выделяет четыре группы населения с разным уровнем материальной обеспеченности.

Таблица 6

Социально-имущественная структура населения (5, с.44)

Группа населения	Душевой доход	
	Нижняя граница	Верхняя граница
1. Бедные семьи	Физиологический минимум питания	Прожиточный минимум
2. Малообеспеченные семьи	Прожиточный минимум	Рациональный потребительский бюджет
3. Обеспеченные семьи	Рациональный потребительский бюджет	Бюджет, превышающий рациональный
4. Состоятельные семьи	Бюджет, превышающий рациональный	Бюджет, многократно превышающий рациональный

Во Всероссийском центре уровня жизни для исследования социально-имущественной структуры населения используется следующая классификация: бедные – с доходом ниже одного ПМ, низкообеспеченные – с доходом от одного до двух ПМ, относительно обеспеченные (средние) – с доходом от минимального прожиточного бюджета (МПБ) до бюджета высокого достатка (БВД), и состоятельные и богатые – с доходом выше БВД. В I квартале 1999 г. МПБ в

среднем по России составил 1956,4 руб., а БВД – 4487,6 руб. В табл. 7 приводится такая группировка для России, Москвы и Санкт-Петербурга.

Таблица 7

**Группировка населения по соотношению денежных доходов
и уровня нормативных потребительских бюджетов в 1998-1999 гг.
(в среднем за месяц, в процентах к численности населения региона)
(6, с. 170)**

Группы насе- ления	Россия			Москва			Санкт-Петербург		
	1998		1999 I кв.	1998		1999 I кв.	1998		1999 I кв.
	Всего	I кв.		Всего	I кв.		Всего	I кв.	
До ПМ	47,89	48,37	56,86	16,53	19,94	20,51	36,41	32,11	45,90
От ПМ	30,13	30,54	26,85	25,38	28,86	26,00	39,45	43,21	39,31
до МПБ									
От МПБ	17,72	17,39	12,93	32,94	32,36	29,90	21,40	22,63	13,66
до БВД									
Свыше БВД	4,27	3,69	3,36	25,15	18,84	23,59	2,75	2,05	1,13

Особенно быстро процесс социально-имущественного расслоения населения России происходил в начале 90-х годов, несколько замедлившись в последующий период. Однако за период с I квартала 1998 г. по I квартал 1999 г. (под воздействием кризиса августа 1998 г.) значительно увеличилась доля населения, имеющего средние душевые доходы ниже ПМ. В таком же порядке происходят изменения коэффициента направленности процесса стратификации населения по нормативному стандарту потребления, соответствующему ПМ. Этот коэффициент показывает соотношение численности “бедных” на 1000 человек населения и численности “обеспеченных” на 1000 человек населения. Если это соотношение больше единицы, то это свидетельствует о преобладании бедности.

Из-за недостатка статистических данных и несовершенства показателей картина часто искажается. Так, практически во всех регионах Центрального района соотношение средней оплаты труда с учетом выплат социального характера и величины прожиточного минимума трудоспособного населения больше единицы. Аналогичная ситуация складывается с соотношением среднедушевого денежного дохода с прожиточным минимумом (5, с.46). Однако на практике положение не так благополучно, как представляется, поскольку усредненные показатели по оплате труда искажают ситуацию.

Процессы социально-экономической дифференциации в Уральском районе, судя по имеющейся статистике, в основном повторяют общероссийские тенденции. Основные изменения в социальной структуре населения по уровню достатка произошли в 1992 г., когда сформировалась многочисленная группа бедных – более четверти населения – главным образом, из групп с фиксированными доходами. Группа малоимущих (от одного до двух ПМ) постепенно пополнялась за счет категории населения, имевшей средний достаток. Часть населения среднего достатка (от двух до четырех ПМ) резко сократилась в 1992 г. и затем по численности оставалась почти неизменной – порядка 25-23%. В категории состоятельных и богатых наблюдались незначительные колебания в численности, и в конечном итоге их доля стабилизировалась на уровне 6-7% населения (14, с.29).

Показатель МПБ составляет основу для определения минимального гарантированного дохода в стране, позволяющего проводить эффективную социальную политику. В отдельных регионах работа по определению этого норматива уже началась. В Республике Татарстан Закон “О минимальном потребительском бюджете в Республике Татарстан”, принятый в 1994 г., регламентирует состав и стоимостную величину натуральных и финансовых норм, используемых при определении размеров государственных социальных стандартов и оценки уровня социальных норм. В законе о МПБ зафиксированы также обязательства работодателя по обеспечению условий работнику для зарабатывания средств не ниже стоимостной величины МПБ.

В 1997 г. был принят и федеральный закон о ПМ. В нем предусмотрено, что минимум зарплаты и пенсий будет постепенно выведен на обусловленный нормативный уровень. Для

категорий населения, доход которых ниже ПМ, устанавливается право на социальную помощь государства.

Дифференциация доходов населения. Основными показателями дифференциации доходов населения являются кривая и коэффициент концентрации Лоренца. Кривая Лоренца характеризует процентное соотношение всех доходов и всех их получателей. Чем дальше линия фактического распределения отклоняется от линии теоретического распределения, тем больше дифференциация доходов, а соответственно степень неравенства. Коэффициент концентрации Лоренца, или индекс Джини, позволяет численно оценить степень этого неравенства. Чем ближе к единице коэффициент Джини, тем выше степень неравенства. Степень неравенства в распределении денежных доходов в России представлена в табл. 8.

Таблица 8

**Степень неравенства в распределении денежных доходов
в России (6, с.146)**

Показатели	Годы							
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Индекс Джини	0,230	0,260	0,289	0,389	0,409	0,381	0,375	0,375
Децильный коэффициент	-	4,5	8,0	11,2	15,1	13,5	13,0	13,2

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в период реформ в России происходил интенсивный процесс перераспределения денежных доходов. Особенно быстро он протекал до 1994 г. Однако в последние годы процесс дифференциации населения приостановился.

Распределение денежных доходов по источникам показывает, что в наибольшей степени неравенство в доходах было вызвано значительной концентрацией предпринимательских доходов и доходов от собственности в руках наиболее обеспеченных слоев населения. Например, в Уральском районе денежные доходы населения находятся в пределах двух ПМ. На этом фоне 10% населения владеют более чем четвертью общего объема денежных доходов жителей региона (14, с.38). Таким образом, переход к рынку дал импульс процессу дифференциации доходов, изменению его содержания и направленности. В настоящее время продолжает усиливаться дифференциация доходов населения, мало связанная с результатами его труда.

Структура расходов показывает удельный вес основных расходов в бюджете семей и является важным индикатором уровня жизни. Денежные средства расходуются на покупку товаров и оплату услуг, обязательные платежи и добровольные взносы, прирост сбережений во вкладах и ценных бумагах, покупку жилых помещений, приобретение иностранной валюты и т.д. В мировой практике в качестве одного из обобщающих индикаторов уровня жизни используется доля расходов на продовольствие в бюджете семьи: чем она ниже, тем выше уровень жизни. Цивилизованная структура расходов предполагает затраты на питание в объеме не более 15% семейного бюджета. В настоящее же время даже в обеспеченных слоях населения России эти расходы составляют около 30%, а в общей массе семей на продукты питания тратится более 60% бюджета (5, с. 48).

Оценка социальных индикаторов – динамики реальных доходов населения, деформации структуры денежных доходов и потребительских расходов, поляризации населения по уровню материального достатка – позволяет говорить об образовании практически во всех регионах России нового социально-экономического феномена – застойной бедности. Таким образом, некоторые положительные изменения в социальной сфере, которые были достигнуты в 1996-1997 гг. (рост реальной заработной платы, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума), не смогли обеспечить сколько-нибудь устойчивое восстановление качества жизни основной массы населения (прежде всего социально не защищенных слоев) хотя бы на дореформенном уровне (4, с. 75).

Обобщенные данные о группировке регионов России по уровню жизни населения представлены в табл. 9.

Таблица 9

**Группировка регионов России по уровню жизни населения,
1996 г. (5, с.28-30)**

Уровень жизни	Среднедушевой доход к прожиточному минимуму, %	Количество регионов в группе	% к итогу	Регионы
1	2	3	4	5
1. Высокий	577-295	3	3,4	г. Москва, Тюменская область, г. Санкт-Петербург
2. Относительно высокий	294-215	7	8,0	Красноярский край; области: Липецкая, Орловская, Ульяновская, Белгородская, Пермская; Республика Татарстан;
3. Выше среднего	214-193	7	8,0	Области: Новгородская, Кемеровская, Мурманская, Самарская, Томская, Тульская; Краснодарский край
4. Средний	192-170	24	27,6	Области: Смоленская, Ярославская, Омская, Калужская, Иркутская, Вологодская, Ростовская, Нижегородская, Воронежская, Брянская, Камчатская, Тамбовская, Свердловская, Челябинская, Костромская, Ленинградская, Магаданская, Рязанская, Амурская; республики: Карелия, Коми, Башкортостан, Саха; Ставропольский край
5. Ниже среднего	169-148	10	11,5	Области: Курская, Тверская, Калининградская, Оренбургская, Кировская, Волгоградская; республики: Удмурдская, Хакасия; края: Хабаровский, Приморский
6. Низкий	147-123	17	19,5	Области: Владимирская, Московская, Сахалинская, Псковская, Архангельская, Новосибирская, Астраханская, Ивановская, Саратовская, Курганская, Пензенская; республики: Чувашская, Северная Осетия, Кабардино-Балкарская, Алтай, Бурятия; края: Алтайский

1	2	3	4	5
7. Очень низкий	122-100	6	6,9	Республики: Мордовия, Адыгея, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Марий Эл; Читинская область
8. Недопустимо низкий	99-55	13	15,1	Республики: Дагестан, Тува, Ингушская, Чеченская; Еврейская АО; автономные округа: Чукотский, Ханты-Мансийский, Таймырский, Ямало-Ненецкий, Эвенкийский, Бурятский, Корякский

Ориентация региона относительно среднего, по российским меркам, уровня является важным показателем его социально-экономического состояния. Регионы с показателями уровня жизни выше среднего, относительно высокими и высокими, как правило, имеют мощный финансовый сектор либо средний уровень доходов и низкие цены. Покупательная способность и степень имущественного расслоения и в том, и в другом случае высокие (5, с. 32-33).

Регионы, имеющие уровень жизни и производства ниже среднего, низкий и очень низкий, относят к депрессивным либо отсталым. Депрессивные регионы обладают достаточным экономическим потенциалом, который не задействован из-за ломки производственной и хозяйственной структур, имеют неуклонное снижение реальных доходов и растущую безработицу. Покупательная способность в депрессивных и отсталых регионах низкая, степень имущественного расслоения может быть и незначительной, и высокой. Регионы с недопустимо низкими показателями являются, как правило, кризисными. В них остановлена или перестала существовать подавляющая часть предприятий, налицо межэтнические или природные катаклизмы (5, с.33).

В условиях столь существенной дифференциации регионов России главной целью государства должно стать выравнивание условий экономической деятельности и уровня жизни в субъектах Федерации.

Система социальной защиты населения, являющаяся целевой комплексной системой, сформированной обществом в его историческом развитии, для решения социально-экономических проблем пожилых граждан, инвалидов, больных, безработных, семей, потерявших кормильца, а также семей с детьми, имеет в современной России особое значение в связи с резким падением уровня жизни многих россиян. По официальным данным, численность населения с денежными доходами ниже ПМ составила в первом квартале 1999 г. 55 млн. человек, или 37,7% его общего количества, по сравнению с 33 млн. человек (22,5%) в первом квартале 1998 г. (11, с. 19-20). По некоторым оценкам, начиная с 1992 г. за чертой бедности – “на бюджете деградации” – проживает около половины населения (3, с.33).

Функция социальной защиты заключается в оказании помощи человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, или в том, чтобы предупредить возникновение такой ситуации. Как правило, организацией и проведением социальной защиты населения занимаются органы государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления.

Социальная помощь оказывается в форме наличных и безналичных денежных выплат (социальные трансферты, субсидии, дотации и льготы разного рода), натуральные поступления (бесплатные столовые, раздача промтоваров, временное жилье, протезы и др.) и бесплатные и льготные услуги (прежде всего образование, здравоохранение, социальное обслуживание и пр.).

В настоящее время система социальной защиты населения переживает период реформирования в самостоятельную и многопрофильную отрасль. Первые реальные шаги в этом направлении в рамках проведения социальной реформы в России были сделаны лишь в 1997 г. Так, правительством РФ был введен новый порядок исчисления пенсий (Закон “О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий вступил в силу 1 февраля 1998 г.); реализованы изменения в системе выплаты государственных ежемесячных пособий на детей (теперь они осуществляются через органы социальной защиты). Действующая в настоящее время Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 гг. предусматривает внесение существенных изменений в систему социальной поддержки населения (4, с. 74).

Главный недостаток сложившейся в России системы социальных выплат и пособий состоит в том, что при их назначении не учитываются доходы семьи, они безадресны.

Государство за счет бюджетных средств предоставляет гражданам свыше 1000 различных видов льгот, из которых 155 установлены на федеральном уровне для 236 категорий граждан. Общая стоимость льгот составляет более 15% ВВП. Численность лиц, претендующих на получение льгот, достигает 100 млн. человек (ветераны, дети, инвалиды, вынужденные переселенцы и т.д.). Из-за распыления средств на огромное число льготных категорий населения (льготы автоматически распространяются на всех подпадающих под данную категорию лиц независимо от материального положения) становится нереальным, считает М.Яндиев, осуществление действительно жизненно важных социальных выплат. В результате малообеспеченные, действительно нуждающиеся семьи, получают не более 1/3 социальных пособий, льгот и субсидий (16, с. 14).

Для повышения эффективности системы социальной помощи в Республике Коми, Воронежской и Волгоградской областях в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 4 июня 1997 г. были реализованы пилотные программы по оказанию адресной социальной помощи малоимущим. Программы были ориентированы на решение следующих задач: 1) разработка и внедрение в регионах РФ механизма адресной социальной поддержки беднейших семей с целью поэтапного доведения их доходов до ПМ, установленного в конкретном регионе; 2) анализ нормативно-правовой базы по системе социальных пособий, компенсаций и выплат, а также социальных услуг, предоставляемых на региональном и местном уровнях; 3) оценка эффективности методик социальной защиты населения, применяемых в пилотных регионах, а также разработка и распространение типовой методики для других регионов; 4) создание компьютерной региональной системы регистрации беднейших семей (с проверкой фактически полученных ими доходов) и учета оказанной таким семьям адресной социальной поддержки.

В пилотной программе поддержки малообеспеченных семей в Волгоградской области апробировалась методика оценки нуждаемости семей. В соответствии с балльной методикой право обратиться за пособием по нуждаемости предоставлялось всем без исключения семьям с душевым денежным доходом ниже административной границы бедности, равной половине бюджета прожиточного минимума области. Размер ежемесячного совокупного душевого пособия устанавливается в зависимости от соотношения душевых потенциальных потребительских расходов и областного бюджета прожиточного минимума и определяется в соответствии со шкалой пособий. Если душевые потенциальные потребительские расходы семьи оказываются ниже областного бюджета прожиточного минимума среднего месяца из трех, предшествующих обращению, то семья приобретает право на получение пособия. Размер семейного пособия по нуждаемости определяется путем умножения душевого пособия на количество членов семьи. Первые результаты реализации этой программы показали, что начисленные таким образом пособия нуждающимся гражданам оказались существенно выше, чем при оказании помощи обычным порядком (4, с.79-80).

При отсутствии четкости в разграничении расходных бюджетных полномочий в социальной сфере региональные власти проводят собственную социальную политику, не обращая внимания на решения, принятые на федеральном уровне. Из-за отсутствия средств некоторые субъекты Федерации идут на отчаянные меры, грозя прекращением перечисления налогов в Центр или стремясь пополнить местный бюджет, вводят самые экзотические налоги. Всего в 1996-1997 гг. в России действовало около 100 региональных налогов, хотя в августе 1996 г. указ президента, подписанный в декабре 1993 г., в соответствии с которым региональные власти получили право вводить собственные налоги, был отменен (4, с. 77).

Сложившаяся в регионах социальная ситуация подталкивает местных руководителей к поиску и других нетрадиционных схем поддержания социальной сферы. Например, Управление социальной защиты Волгограда для выплаты детских пособий прибегло к широко используемой в бюджетной сфере России системе взаимозачетов, перенеся этот механизм на социальную сферу. Была организована торговля продовольственными и промышленными товарами первой необходимости через сеть социальных магазинов в счет погашения задолженности по детским пособиям и другим социальным выплатам. Организуется продажа продовольственных и промышленных товаров в кредит пенсионерам под будущую пенсию. В 1997 г. десятью социальными магазинами был предоставлен кредит под пенсию 1823 пенсионерам на сумму 169,8 млн. руб. (4, с.78). Однако схему, используемую администрацией Волгограда, нельзя рассматривать как стратегическое направление развития системы социальной поддержки, – она служит лишь временным выходом из ситуации.

В ряде регионов действуют программы общественных работ. Под такими работами понимается общедоступная деятельность, имеющая социально полезную направленность и

организуемую в качестве дополнительной социальной поддержки граждан, ищущих работу. В частности, в Москве и Воронеже такие программы были приняты в 2000 г., хотя по масштабу охвата они невелики. В Воронеже, например, предполагается на первых порах привлечь к работам по благоустройству города и сельскохозяйственным работам 7 тыс. человек (в городе насчитывается 50 тыс. безработных) (12, с.7; 1, с.9).

После президентских выборов и новый Президент России, и правительство не раз подчеркивали необходимость усиления социальной направленности реформирования экономики. Определенные шаги в этом направлении уже делаются. С 1 мая 2000 г. с 0,7 до 0,8 повышено отношение среднемесячного заработка лиц, оформляющих пенсию с применением индивидуального коэффициента пенсионера, к среднемесячной зарплате в стране. Это должно привести к увеличению пенсий примерно на 70 руб. Кроме того, утвержден новый размер среднемесячной зарплаты в размере 1257 руб. (ранее действовал размер 1175). Именно эта цифра будет применяться при исчислении пенсий с 1 мая 2000 г. Кроме того, Правительство РФ рассматривает возможность дальнейшего повышения пенсий в текущем году (10, с.14). Обсуждаются возможности введения с 2002 г. накопительных элементов в пенсионной системе. Однако с 2003 г. возможно повышение пенсионного возраста на пять лет, что фактически, учитывая среднюю продолжительность жизни в стране, приведет к сокращению числа получателей пенсий и, таким образом, уменьшит нагрузку на Пенсионный фонд (2, с.3).

В то же время проводимое в настоящее время реформирование вертикали исполнительной власти свидетельствует о попытке федерального центра ограничить экономическую и финансовую самостоятельность регионов, что не может не сказаться на региональной социальной политике. Хотя федеральный центр намерен взять на себя ряд социальных выплат, в частности выплату детских пособий, это не решит всех социальных проблем, которые можно решить только на региональном уровне. Перераспределение же бюджетных средств в пользу центра (подробнее см. обзор Е.А.Пехтеревой в настоящем сборнике) лишает местные органы власти возможности маневра при реализации мер по оздоровлению социальной обстановки.

Список литературы

1. Ахмедов Р. Дороги, которые нас выбирают // Известия. – М., 2000. – 30 марта. – С.9.
2. Бабаева С. Борозды не испортит // Там же. – 30 мая. – С. 3.
3. Бирюков П.П. Регулирование социально-экономических и трудовых отношений: на прим. Центр. адм. окр. г.Москвы. – М., 1999. – 346 с.
4. Виленский А., Домнина И. Система социальной поддержки населения: уроки кризиса и региональный опыт//Вопр. экономики.- М., 1999. – № 2. – С. 74-84.
5. Горшенина Е.В. Экономическое развитие региона: Приоритеты, механизмы, модели. – Тверь, 1999. – 160 с.
6. Кадомцева С.В. Социальная защита населения: Учеб.пособие / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М: РАГС, 1999. – 256 с.
7. Карпов В.В. Социально-экономические основы региональной политики в условиях трансформации общества: Монография. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 1998. – 214 с.
8. Крайний В. МРОТ должен стать зарплатой // Фин. Россия. – М., 2000. – № 15. – С. 5.
9. Осипов Г.В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 207 с.
10. Рахманова Т. С поправкой на коэффициент // Фин. Россия. – М., 2000. – № 15. – С. 14.
11. Рыбак О. Основные тенденции социально-экономического развития в первой половине 1999 г. // Экономист. – М., 1999. – № 8. – С.10-20.
12. Служба занятости – городу и москвичам // Метро – М., 2000. – 23 марта. – С. 7.
13. Уральский регион: последствия экономического реформирования / Дедов Л.А., Дмитриева Т.Е., Игнатьева Е.Д. и др.; Редкол.: Татаркин А.И. (отв.ред.) и др.; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 1996. – 364 с.
14. Уровень жизни населения Урала: социальная стратификация регионального социума и система социальной защиты/ Татаркин А.И., Юрпалов С.Ю., Кротова Е.Л. и др.; Отв. ред Татаркин А.И.; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 1999. – 115 с. – Библиогр.: С. 109-114.
15. Цогоев В.Г., Коваленко О.О. Совершенствование механизма управления хозяйственным комплексом региона. – Владикавказ: ИР, 1999. – 223 с. – Библиогр.: С.209-222.
16. Яндиев М. Без льгот – ни туда, ни сюда // Финансовая Россия. – М., 2000. – № 18, С.14